

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

- Н. Петрич, Т. В. Авилин. Народные названия Плеяд в словенской традиции 2
 А. Л. Лифшиц. «Корфкин», «мувкин» и «гулиный шлафорок»: что оставила дочерям Екатерина I 6
 И. Б. Качинская. Частушки об измене в картотеке «Архангельского областного словаря» 10
 А. Б. Коконова. Диалектная лексика в соцсетях (на материале постов Н. А. Попова в социальной сети «ВКонтакте») 16

ЕВРЕЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

- И. О. Никитина, А. Л. Лейдерман. Евреи в Ильино: история, соседство и память 21
 М. Б. Гехт, С. И. Погодина. (Не)еврейский «текст» Екабпилса 24
 С. В. Белянин. Стереотипы внутри еврейских субэтнических групп на Кавказе 29
 С. Н. Амосова. Стереотипы и автостереотипы локальных групп горских евреев 32
 М. В. Вятчина. Трахома как «болезнь инородцев» и «еврейская болезнь» в источниках по медицинской статистике 1880–1910-х гг. 36

АРХИВНАЯ ПОЛКА

- М. В. Ахметова, М. Л. Лурье. Из флотского песенника конца 1960-х гг. 38

ВЫСТАВКИ

- Е. Л. Мадлевская. Выставка «Собрание русской старины Натальи Леонидовны Шабельской» 44

ЭКСПЕДИЦИИ

- С. Ю. Королёва, Ю. А. Шкураток, Е. М. Матвеева. Похоронно-поминальная обрядность русских и коми-пермяков Иньвенского края: некоторые итоги полевого обследования 49

ЮБИЛЕИ

- Д. В. Морозов. К юбилею Екатерины Анатольевны Дороховой 54

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- Т. Г. Иванова. Каталог коллекций Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова 55
 А. В. Панюков. Сборник памяти Виктора Аркадьевича Лапина 57
 С. И. Погодина. Старое/новое: издание диссертации И. М. Пульнера 58
 С. В. Алпатов, В. В. Нагорных. Русская считалка: от корпуса текстов к монографическому исследованию жанра 59
 М. В. Вятчина. Теории и практики цифровых исследований религии 61
 О. В. Трефилова. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике 63

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ

- В. В. Головин. Александр Федорович Белоусов 65
 Н. А. Морозова. Юрий Александрович Новиков 66

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- А. Е. Калкаева. Летняя школа Центрально-Европейского университета «Магия и колдовство» 67
 И. В. Копченкова. Конференция «“Последние времена” в славянской и еврейской культурной традиции» 69
 С. Н. Амосова. Пятая конференция «Еврейское поле: опыт и концептуализация» 70

Проект реализован при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОД ПЕДАГОГА
И НАСТАВНИКА

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, доктор филол. наук, доцент,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора),
канд. филол. наук, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Е. А. Дорохова, канд. искусствоведения,
Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профессор,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Д. В. Морозов, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук,
профессор, Российский государственный гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профессор,
Институт славяноведения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт славяноведения РАН

семечек, только сделанный шашечками. Так мы эту макуху грызли как сухари. Прямо с улицы брали [инф. 8].

Такие взаимные стереотипы бытуют среди горских и ашкеназских евреев Кавказа. Появление подобных нарративов связано с разными образом жизни и степенью ассимиляции членов разных общин. Ашкеназы, большинство из которых ассимилировались и во многом разделяют стереотипы славянского большинства о народах Кавказа, считают горских евреев архаичными, патриархальными и недостаточно интегрированными в российское общество. В свою очередь, горские евреи считают ашкеназов отступниками, которые отказались от предписаний иудаизма и смешались с окружающими народами.

Примечания

¹ Горские евреи, как и другие восточные еврейские общины, придерживаются канона *носах ха-сфарадим*. Евреи, выходцы из западных областей Российской империи, придерживались канона *нусах ашкеназ*.

² «Русскими» Илья Анисимов называет ашкеназов, выходцев из западных частей Российской империи. В статье я использую обозначения «русский еврей» и «ашкеназ» как синонимы, тем более что так эти обозначения используют и мои собеседники.

³ Имена информантов изменены в целях анонимности.

⁴ Так, в пригороде Минеральных Вод с 6 по 9 сентября 1942 г. было расстреляно более 7 тыс. евреев.

⁵ По мнению историка Геннадия Костырченко, в конце 1980-х гг. антисемитские проявления стали одним из факторов социальной нестабильности [4. С. 394]. В это время широко распространяются слухи о грядущем еврейском погроме, которые спровоцировали появление панических настроений среди советских евреев. Однако погромные ожидания мало соответствовали действительности, а еврейские активисты, выступавшие основными распространителями «погромных» слухов, имели склонность завышать масштабы антисемитизма [4. С. 414].

⁶ «Таглит» — образовательный проект, представляющий собой десятидневный тур в Израиль для людей в возрасте от 18 до 32 лет, имеющих еврейские корни.

Литература

1. Анисимов И. Ш. Кавказские евреи-горцы. М., 1888.
2. Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
3. Горские евреи: История, этнография, культура / сост. и науч. ред. В. Дымшица; под общ. ред. И. Бегуна; пер. с иврита Ю. Мурадова; вступ. ст. М. Членова. Иерусалим; М., 1999.
4. Костырченко Г. В. Тайная политика: от Брежнева до Горбачева: в 2 ч. Ч. 2: Советские евреи: выбор будущего. М., 2020.

Список информантов

- Инф. 1 — Анатолий, 1985 г.р., горский еврей, Пятигорск, водитель.
Инф. 2 — Андрей, 1948 г.р., горский еврей, Пятигорск, пенсионер.
Инф. 3 — Валентина, 1945 г.р., ашкеназская еврейка, Кисловодск, глава еврейской общины Кисловодска.
Инф. 4 — Валерия, 1945 г.р., ашкеназская еврейка, Пятигорск, учительница русского языка.
Инф. 5 — Колим, 1950 г.р., горский еврей, Махачкала, фотограф.
Инф. 6 — Наталия, 1980 г.р., горская еврейка, Пятигорск, учитель иврита.
Инф. 7 — Раиса, 1960 г.р., горская еврейка, Пятигорск, директор еврейской школы.
Инф. 8 — Светлана, 1960 г.р., горская еврейка, Нальчик, архитектор.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Статья подготовлена в рамках проектов Еврейского музея и центра толерантности «Комплексное социологическое исследование горско-еврейской общины г. Пятигорска» и «Еврейские мемориативные практики и современный культ Победы».

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2023 г.

Светлана Николаевна Амосова,
Институт славяноведения РАН, Еврейский музей и центр толерантности
(Москва)

СТЕРЕОТИПЫ И АВТОСТЕРЕОТИПЫ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

Аннотация. Статья посвящена представлениям горских евреев об идентичности. В отличие от многих других еврейских групп, горские евреи сохранили представление о внутреннем делении на этнотерриториальные и диалектные группы, в связи с этим существует множество стереотипов и автостереотипов, которые остаются важными для различных сфер жизни этой этнической группы.

Ключевые слова: горские евреи, идентичность, субэтнические группы, этнические стереотипы

Горские евреи — субэтническая еврейская группа, которая сформировалась и проживает на Кавказе — на территории современных Дагестана, Кабардино-Балкарии и Азербайджана. Горские евреи были и остаются многоязычными, но языком внутриэтнического общения является джуури¹ — язык иранской языковой группы. Именно языковое и религиозное единство позволило объединить группы евреев, проживавших достаточно далеко друг от друга, в единую субэтническую группу. На основании места проживания или диалекта джуури

исследователи и общественные деятели выделяют несколько групп горских евреев.

Так, на сайте gorskie.ru выделяется семь локальных групп: *нальчикские* (нальчигё) — евреи, проживающие в Нальчике и близлежащих городах Кабардино-Балкарии; *кубанские* (губони) — в Краснодарском крае и Карачаево-Черкесии; *кайтагские* (кайтоги) — в Кайтагском районе Дагестана; *дербентские* (дербенди) — в Дербентском районе Дагестана; *кубинские* (губои) — на севере Азербайджана, в основном в пос. Красная Слобода

(Куба); *ширванские* (ширвони) — на северо-востоке Азербайджана, в селе Мюджи Исмаиллинского района², Исмаиллы³, а также в Баку; *варташенские* — в городах Огуз (ранее Варташен), Гянджа, Шемаха⁴; *грозненские* — в Грозном [1].

М. С. Куповецкий пишет о пяти основных этнотерриториальных группах: «*дербенди* (дербентских евреев), *гъибзи* (кубинских евреев), *хэйтоги* (кайтагских евреев), *ширвони* (ширванских евреев), *варташени* (варташенских евреев)» [2. С. 145]. М. А. Членов выделяет четыре основные группы на основе диалектов джуури: «кайтагский диалект (северный Дагестан и остальные районы Северного Кавказа к западу от Дагестана), дербентский диалект (Южный Дагестан), кубинский диалект (Северный Азербайджан) и, возможно, шемахинский диалект, остатком которого является говор села [sic!] Огуз (Варташен)» [3. С. 177].

Но и сами информанты много говорят о своей этнической истории и о том, какие группы существуют внутри единой горско-еврейской группы. Наши материалы были записаны в нескольких экспедициях, которые проводились в 2018–2020 гг. центром «Сэфер» в Дербенте (три сезона), а за-

тем в 2021–2022 гг. Еврейским музеем и центром толерантности в Нальчике и Пятигорске.

Дербентская община существует с конца XVIII в., когда горские евреи из соседних селений стали переезжать под защиту городских стен; больше всего евреев в городе проживало в 1970–1980 гг. (около 12 тыс.), сейчас в Дербенте насчитывается около тысячи евреев. В Нальчике горские евреи селились уже в первой половине XIX в., в 1970-е гг. в городе было около 5,5 тыс. евреев, сейчас — менее тысячи человек. Пятигорская община новая, ее формирование пришлось на 1990-е гг.: отдельные горско-еврейские семьи начали перебираться в город еще в 1960-е, но активный рост общины связан с нестабильной политической ситуацией на Северном Кавказе, когда евреи из северного Дагестана и Чечни стали уезжать из этих мест. Сейчас в Пятигорске проживает около полутора тысяч горских евреев. Это одна из самых больших горско-еврейских общин в России и самая большая на Северном Кавказе. Костяк общины составляют выходцы из городов северного Дагестана и Чечни; в 2000-е гг. в город начали переезжать горские евреи из Азербайджана, в частности, из г. Огуз (Варташен).

ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

В наших экспедициях нам удалось поговорить с представителями разных локальных групп и опросить их, к какой группе они сами себя относят, какие группы горских евреев существуют, чем отличаются те или иные группы, по их мнению. Так, раввин города Нальчика, объясняя существование разных групп, опирается на этническую историю и язык:

Я сейчас объясню, Дагестан — это более первое поселение как бы еврейское, они туда уходили с Персии, там сначала идёт Азербайджан, Дагестан. И там евреи селились в сёлах. Здесь в сёлах жили совсем мало евреев реально. (...) в Нальчике евреи считаются коренным народом. До образования города, до того, как он получил статус города, здесь жили евреи. И евреи были здесь, насколько я слышал, они сюда прибыли ещё при царе, и вид деятельности, которым занималось большинство населения еврейского, — это были кожевники. И, насколько я знаю, они обслуживали царскую армию, то есть вот эти сёдла и всё необходимое. Вроде бы говорят, что таким образом, что корни идут с Дагестана, и уже начали дальше — Грозный, Нальчик. В Дербенте еврейское наречие оно немножко отличается. У нас идёт: как Закавказье — Азербайджан, это вот Куба, потом идёт Дербент — два языка похожи, но разные. Потом дальше идёт, было такое место, оно, наверное, и есть

Кайтагское ущелье называлось, Кайтаг. Вот те, кто к Кайтагскому ущелью относятся, у них наречие одинаковое, это Нальчик, Грозный, Махачкала, Хасавюрт, Кизляр, вот это такие. Кроме Нальчика и Грозного все остальные это дагестанские города. Махачкала — это столица, Буйнакск, это все выходцы из Кайтагского ущелья в самом Дагестане, и наречия у них одинаковые, то есть они все говорят одинаково [ЛШ].

Собеседник выделяет три основных группы горских евреев: азербайджанская в Кубе, дербентская и кайтагская; в последнюю, по его мнению, входит и та группа, к которой он себя относит. О таком же делении говорит и еще один наш информант — выходец из Кизляра, ныне живущий в Пятигорске; для него главным при определении различий является язык.

Я вам сейчас скажу, что джуури наш — Кизляр, Грозный, Махачкала, Хасавюрт, Буйнакск — это одно наречие, а Дербент — это другое, а Куба — это ещё больше отличается. [Отличается, да?] Это как русский и украинский, но только поменьше. Между нашим и дербентским всё понятно. Дербентское наречие джуури — это литературное, у нас были радиопередачи, спектакли шли. Процентом тридцать в Дербенте были горские евреи, на то время была самая большая диаспора в Дагестане. Город насчитывал порядка 80 тысяч жителей. В своё время после 70-х годов в Кизляр стали приезжать люди со всех сторон Дагестана. Город Кизляр всех манил, с Кизляра никто никуда не уезжал. С Махачкалы приехали, с Буйнакск приехали, с Маджалиса приехали [ДВР].

Как правило, наши информанты выделяют три основные группы — кайтагские евреи, дербентские и евреи из Азербайджана (тут преимущественно речь будет идти о евреях из Кубы⁵, как самой многочисленной группе, реже — из Огуза (Варташена)⁶). Часто в наших интервью азербайджанские евреи объединяются информантами в одну группу по принципу наличия второго — азербайджанского — языка. Кроме того, в отдельную группу за редким исключением не выделяют евреев Кубани и Карачаево-Черкесии, потому что их численность сейчас крайне мала (большая часть погибла во время Холокоста⁷), они «незаметны» для наших информантов.

Отмечая, чем различаются группы горских евреев, наши собеседники в основном говорили про язык, а также о понимании/непонимании других диалектов этого языка⁸. Например, информант, много лет живущий в Пятигорске, родившийся в Махачкале, рассказывая о том, как он общается в синагоге, отмечает, что плохо понимает выходцев из Азербайджана:

Диалекты, конечно, разные, вот варташенских мы их почти не понимаем, кубинских очень тяжело, а дербентских я хорошо понимаю, дербентский как-то ближе к Дагестану, к махачкалинским. Мы с Кайтагского района оттуда все пришли сюда [ЯВГ].

Наша собеседница из Дербента говорит о большем родстве кубинского и дербентского диалектов:

А кайтагский и кубинский вообще разные диалекты. Они [кайтагские] больше с кумыками, по родству больше с кумыкского языка. А у нас у дербенских и кубинских те же самые слова заимствованы с азербайджанского. Вот в этом отличие [МИХ].

СТЕРЕОТИПЫ И АВТОСТЕРЕОТИПЫ

Кроме различия в диалектах и языке информанты отмечают и то, как различаются обычаи, кухня и характер представителей этих локальных групп.

Я сейчас живу в Махачкале. Я женился, жена у меня махачкалинка, я переехал в Махачкалу. Она не махачкалинка по корням, она родилась в Махачкале, а её родители — они из Буйнакск. Там другая ментальность. Они тоже горские евреи, но всё по-другому. Они, в отличие от дербентских, кушают хинкал, для них это главная еда. Они кушают сушёное мясо, колбасу домашнюю. В Дербенте, когда я жил, здесь никто не знал про такую еду, как курдюк. Там в Буйнакске у них вот такие вот вкусы. У них диалект очень особый, очень прикольный, прикольный для дербентского человека, непривычный очень. Там очень много новаций в ихнем диалекте, а с другой стороны, архаизмов очень много всяких. В этом плане очень интересный диалект [СИГ] (2018).

Незначительные отличия есть в кухне. Например, буйнакские евреи готовят практически все блюда из баранины, в Дербенте из баранины вообще ничего не готовят, и раньше не готовили, и теперь особо не готовят. (...) Коренное различие, что в Дербенте всё делали из говядины, все блюда, в Буйнакске всё делали из баранины. Рыбу в Дербенте ели. Это было отличие дербенских евреев от других, для дербентских евреев это было характерно, рыбу кушали всякую, ту, которая была не запрещена к употреблению для евреев. В Дербенте предпочитали есть морскую рыбу, кушали кутум, лосось, лещ. Сазан, сазан он речной, в Дербенте его особо не кушали. В Буйнакске и в Махачкале там предпочитали именно сазана, сазан и его родственники — разные виды карпа. В Дербенте ещё кушали селёдку, которая залом [СИГ] (2020).

Вы знаете, что касается кухни. Большая кухня находится в Дербенте, у них [в Махачкале] однообразие — хинкал, чуду — всё мясо, короче [НМШ].

Менталитет, конечно, отличается. Менталитет совершенно другой. Род занятий другой. [Менталитет чем отличается?] Менталитет более религиозный у кубинских евреев, и, не в обиду им сказано, они менее образованные [МИХ].

С Азербайджана приехали варташенские, приехали с Ширвани. «...» Они говорят в основном на азербайджанском, так сказать, грамотности там нету, но люди хорошие. Торгаши, деловые такие люди, коммерсанты такие [ЯВГ].

Они по своей натуре все торговцы [азербайджанские евреи]. Они могли ехать в Баку, Китай, набирать эти шубы, им конкурентов не было, и они продавали, они это могут. Они очень хорошие люди, спокойные [ЯХ].

Зачастую подчеркивается, что евреи из Кубы (в целом из Азербайджана) более традиционные и религиозные, в то время как евреи из Дербента образованные, в частности, высоко ценят образование девушек и всегда стремятся дать высшее образование всем членам семьи.

В Дербенте был большой процент образованных людей, образованных девочек, в отличие, скажем так, от Кубы. В Кубе девочек замуж выдавали. В Дербенте уделяли большой процент образованию. Если вы обратили внимание, что среди горских евреев — художников, писателей, докторов, врачей — почти все выходцы из Дербента [ДСМ].

При этом дербентские евреи отмечают большую связь с евреями из Кубы, чем с другими группами. Чаще всего браки заключались между представителями именно этих групп, было принято сватать девушек из Кубы. Вообще дербентцы постоянно подчеркивают связь между Дербентом и Кубой, говорят, что, пока не было государственной границы, в Кубу ездили гораздо чаще, чем в Махачкалу.

Кубинские нам ближе. В Дербенте очень много выходцев из Кубы. Кубинские с дербентскими чаще смешивались, браки заключали. И по менталитету, и по всем параметрам близко мы, а язык, диалект у них тоже отличается от дербентского, но не сильно, мы их понимаем [МИХ].

Старшее поколение — у них была традиция жениться, ездить за невестами в Кубу. В нашей фамилии такая традиция она была обычная до самого последнего времени. У Д. И., он дербентский, его все дяди, братья его деда, его прадеда они все ездили за невестами в Кубу [СИГ] (2020).

Из Кубы брали много именно девочек. Девочки наши туда в Кубу замуж не выхо-

дили, а сюда выходили. Здесь после войны очень много поселилось в Дербенте евреев из Кубы [И].

Особенность нашего материала и оценок разных групп горских евреев заключается в том, что в основном мы работали с группой кайтоги и дербенди, среди наших информантов почти не было евреев из Азербайджана — Кубы или Варташена. В представлении большинства наших собеседников, как мы уже отмечали, есть три основные группы: кайтоги (евреи Северного Кавказа), дербенди (юг Дагестана) и азербайджанские евреи (которых могут называть кубинскими, варташенскими, ширванскими или бакинскими, но по сути это одна большая азербайджаноговорящая группа). В дальнейшем, при продолжении исследования, одной из наших задач будет рассмотрение внутреннего разделения на группы с точки зрения евреев из Азербайджана, а также их стереотипов и оценок в отношении других еврейских групп и автостереотипов.

СТЕРЕОТИПЫ ВНУТРИ «БОЛЬШОЙ ГРУППЫ»

Внутри этих «больших групп» есть и свое деление — на более мелкие группы. Мы рассмотрим их на примере дербентской общины. Неоднородность общины связана с тем, что горские евреи долгое время проживали в небольших горных селениях и стали переезжать в крупные города довольно поздно, память о происхождении из того или иного села продолжала сохраняться. Особенно характерно это для Дербента, горско-еврейская община которого выросла в середине XX в. в несколько раз за счет притока населения из горных сел. В первую очередь выделялась группа «коренных жителей» Дербента: это потомки тех, кто переселился в город в самом конце XVIII — начале XIX в. из села Абасово⁹.

Он [папа] говорит, запомни раз и навсегда, если кто тебя спросит, мы дербенди, мы, мол, дербентские. Хотя вот сейчас я запомнила папин совет, наказ я запомнила. Сейчас, когда я начала глубже вот в это во всё вникать, я узнала, что папин отец действительно дербенди, тогда называли дербенди — это выходцы из Абасово. «...» Из Абасово, они считаются основателями Дербента, коренные дербентцы. Это моего отца отец. Предки его, это действительно так. Фамилия его была Рабаев [МИХ].

Есть фамилии, которые сами дербентские евреи называют дербенди, это корень Дербента, коренные дербентцы. Имеется в виду основатели общины дербентской. Есть довольно много фамилий, сейчас я пытаюсь заниматься восстановлением перечня этих фамилий. К этим фамилиям от-

носятся Ханукаевы, Дадашевы, Семёновы, потом Семёновы есть, это не наши, это однофамильцы. Исаковы, есть фамилии Ильягуевы. В Дербенте несколько фамилий Ильягуевых, одна из них это коренные дербентские, а другая — это некоренные [СИГ] (2020).

Память о том, что человек или его предки были выходцами из того или иного села или региона, сохранялась очень долго, она была частью идентичности и семейной истории. Ответ на вопрос: «Из какого ты рода?» (который был и остается очень важным для горских евреев) — включал в себя не только фамилию или фамильное прозвище, но и указание на место, откуда происходила семья человека. Особенно важную роль это играло и играет при выборе жениха или невесты. Конечно, в первую очередь обращают внимание на характеристики семьи или рода, но и происхождение тоже немаловажно, потому что с ним связаны различные стереотипы и представления о характере. Естественно, сохранялось некоторое презрительное отношение коренных жителей города к выходцам из сел.

Люди городские и люди из других сёл им напоминали об этом по поводу и без повода [смеется]. В те времена городские не часто рождались с сельскими, даже если они были сравнительно давними выходцами из сёл. Даже если они были в третьем-четвёртом поколении. Моя бабушка по отцу отказывалась выдавать одну из своих внуков замуж за одного очень состоятельного человека. При советской власти он стал очень состоятельным человеком, он был выходцем сам из Карчага¹⁰. Раз вы это дело записываете, я не буду называть его имени. Он был человеком очень упорным, и, слава богу, у них родились нормальные, замечательные дети [СИГ] (2020).

Раньше обязательно обращали внимание, откуда семья происходит. Смотрели, из какого селения пришла сюда семья, старались именно с такого и взять [И].

Выходцы из различных селений наделяются различными характеристиками — как негативными, так и позитивными. Например, выходцы из села Араг¹¹ считались обжорами.

Арагцев называли обжорами. Вот родня моей мамы, я уже говорил, что они жили в Араге всего-то полтора поколения. Но они любили подчёркивать свою приверженность этому злу, к обжорству, и пытались продемонстрировать это при любом случае, за столом, на свадьбе, там, в гостях и так далее [СИГ] (2020).

Или же их характеризовали как шумных и агрессивных, а выходцев из Джераха¹² — как высокомерных.

[ОЖ 2:] Не знаю, я слышала, что арагцы, они не буйные, а как сказать, шумные. Я вот это слышала, но в жизни не скажу, что мой папа такой. Я знаю, что мой муж из Джераха, так же говорят джерахский? [ОЖ 1:] Джерахский. [ОЖ 2:] Про них говорят, что они высокомерные. Как-то говорят, что они нитки тащили... Аврумовна, подскажи, джерахью кто? [ОЖ 1:] Ой, я не знаю. [ОЖ 2:] Высокомерные, то есть тащат верёвкой. Я всегда говорю мужу: «Э-э-э, джерахский, ты сиди, вы понтошлёпы». Да, это есть. Так про другие не знаю.

Выходцы из села Нюгди (горско-еврейское название Мюшкюр)¹³ отличаются, по мнению информантов, мягким и поэтическим характером, гостеприимством.

Поэты, писатели, такие вот романтики рождались мюшкюри. Они считаются такие сказочники, лирики. У них действительно все поэты, все писатели, но очень много во всяком случае оттуда [МИХ].

[ОЖ1:] Дедушка у меня был из Нюгди, а папа здесь родился, но считались мы всё равно по дедушке. <...> [ОЖ2:] Нюгди, там все такие добрые. [ОЖ1:] Да, они добрые, такие гостеприимные. Кстати, многие люди, которые кейвони¹⁴ называются, на свадьбу готовят, они были нюгдинские <...> У меня бабушка кейвони была. [ОЖ2:] Они на самом деле доброжелательные. К одному придёшь, все придут. У кого что есть приносят. Посидишь.

Совершенно иные характеристики у выходцев из селения Ханжалкала¹⁵:

Который с Ханжалкалы — это смелые люди. Ханжалкала — это в переводе кинжальная крепость. Их боялись, они набегали не совершали, а могли отомстить. Тоже отличались таким характером, нравом крепким, которые могли за себя постоять. Мамрач¹⁶ — лезгины делали набег, а Ханжалкала они обходили [МИХ].

Таким образом, определяя идентичность горских евреев, можно увидеть, что есть несколько уровней внутригрупповой дифференциации в этом субэтническом сообществе. М. С. Куповецкий писал о трех уровнях: еврей — горский еврей — принадлежность к той или иной этнотерриториальной или диалектной группе [2. С. 145], т.е. то, что я называю «большой группой». Однако мы видим, что есть еще один уровень — это идентичность по тому селению, откуда родом была семья. Следует отметить, что наше исследование еще не завершено, наблюдения носят предварительный характер. Мы планируем в дальнейшем более подробно описать стереотипы и автостереотипы как больших, так и малых групп, рассмотреть, есть ли подобное разделение

на подгруппы (малые группы) в других горско-еврейских группах, а не только в дербентской.

Примечания

¹ *Джуури* — современный термин, который постепенно входит в научный и бытовой оборот; до последнего времени исследователи называли язык горских евреев иудео-татским, еврейско-татским, горско-еврейским, сами носители — парси или фарси, «наш язык», «еврейский язык» и пр.

² Мюджи — село в Исмаиллинском районе Азербайджана. В 1900 г. в ауле проживало 680 евреев (примерно 90%), во время Гражданской войны большинство еврейских семей переехали в Баку.

³ Исмаиллы — город и административный центр Исмаиллинского района Азербайджана.

⁴ Шемаха (или Шемахи) — город в Азербайджане, центр Шемахинского района. В 1897 г. в городе проживало 90 горских евреев, к 1903 г. почти все покинули город.

⁵ Второе название Губа. Город в Азербайджане, центр Кубинского района; пригородом Кубы является Красная Слобода — крупнейшее поселение горских евреев в Российской империи и СССР.

⁶ Огуз — административный центр Огузского района Азербайджана; до 1991 г. назывался Варташен. В XIX — первой половине XX в. большую часть населения города составляли армяне, горские евреи и удины. После начала конфликта в Карабахе армянское, удинское, а затем и еврейское население стало покидать город.

⁷ Важно отметить, что некоторые исследователи тоже не выделяют эту группу как отдельную и вообще не пишут о ней [2; 3]. Однако нам посчастливилось во время экспедиции в Пятигорск в 2022 г. встретиться с семьей, которая считает себя принадлежащей к группе *губони* (*губонио*). Это выходцы из поселка Джеганас, которым удалось спастись во время войны, потому что их спрятали соседи.

⁸ Нужно отметить хорошую сохранность горско-еврейского языка: фактически все наши информанты (1950-х гг. и старше) могли на нем говорить, использовали его для внутрисемейного общения и отмечали, что их дети могут говорить или понимать язык.

⁹ Абасава или Абасаво — селение, существовавшее с первой половины XVII в. и примерно до 1800 г.; располагалось в 10 км южнее Дербента; в нем проживали только евреи, с 1790-х гг. они переселяются в Дербент.

¹⁰ Карчаг — село недалеко от Дербента, в Сулейман-Стальском районе Дагестана, где до 1920-х гг. проживали горские евреи и лезгины; в 1920-е гг. евреи переехали в основном в Дербент.

¹¹ Араг — ныне несуществующее село, находившееся в Сулейман-Стальском районе Дагестана; в середине XIX в. 100% населения составляли горские евреи,

после революции 1917 г. большинство из них покинули село.

¹² Джерах — ныне несуществующее село, находившееся в Табасаранском районе Дагестана; во второй половине XIX в. было горско-еврейским поселением, во времена Гражданской войны евреи покинули его и переселились в основном в Дербент.

¹³ Нюгди — село в Дербентском районе Дагестана; в XIX в. 97% населения составляли горские евреи; до 1990-х гг. евреи продолжали проживать в селе, отток связан с активной эмиграцией в Израиль, сейчас в селе проживает лишь несколько еврейских семей.

¹⁴ *Кейвони* — специальные профессиональные повара, которых приглашали готовить еду на различные торжественные события, в первую очередь на свадьбу.

¹⁵ Ханжалкала — ныне несуществующее село, находившееся в Магарамкентском районе Дагестана; во второй половине XIX в. около 90% населения составляли евреи, в первой половине XX в. они переселились в Дербент.

¹⁶ Мамрач — соседнее село с Ханжалкалой, где также проживали горские евреи.

Литература

1. Горские евреи — субэтническая группа евреев Северного и Восточного Кавказа // Еврейский информационный центр — gorskie.ru. 2015. 11 дек. URL: <https://gorskie.ru/juhuro/history/item/10447-gorskie-evrei-subetnicheskaya-gruppa-evreev-severnogo-i-vostochnogo-kavkaza>.

2. Куповецкий М. С. К исторической демографии этнотерриториальных групп горских евреев Азербайджана в XVII–XIX вв. // *Studia Anthropologica*: сб. ст. в честь проф. М. А. Членова / ред.-сост. А. М. Федорчук, С. Ф. Членова. М.; Иерусалим, 2010. С. 145–175.

3. Членов М. А. Между Сциллой деиудизации и Харибдой сионизма: горские евреи в XX в. // *Диаспоры*. 2000. № 3. С. 174–197.

Список информантов

ДВР — Джанбеков Владимир Рубенович, 1950 г.р., род. в Кизляре; зап. В. И. Колесов, Е. С. Фоменко в Пятигорске, 2022 г.

ДСМ — Давыдова (Якубова) Стелла (Эстер) Мегировна, 1960 г.р., род. в Дербенте; зап. А. Г. Агабабян, В. И. Колесов в Пятигорске, 2022 г.

И — муж., 1965 г.р., род. в Дербенте; зап. С. Н. Амосова, Е. А. Заболотных в Дербенте, 2019 г.

ЛШ — Шабаетов Леви, 1970 г.р., род. в Нальчике, раввин Нальчика; зап. С. Н. Амосова, С. В. Белянин, И. В. Козлова в Нальчике, 2021 г.

МИХ — Михайлова (Рабеева) Ирина Хаимовна, 1963 г.р., род. в Дербенте; зап. С. Н. Амосова в Дербенте, 2020 г.

НМШ — Нагдимов Моше (Миша, Мухаэль) Шамаилович, 1960 г.р., род. в Дербенте; зап. С. Н. Амосова, Е. А. Заболотных в Дербенте, 2019 г.

ОЖ1 — Ольга Аврумовна, ок. 1979 г.р., член еврейской общины; зап. С. Н. Амо-

сова, Е. А. Заболотных в Дербенте, 2019 г.

ОЖ2 — Ирина, ок. 1982 г.р., член еврейской общины; зап. С. Н. Амосова, Е. А. Заболотных в Дербенте, 2019 г.

СИГ — Семенов Игорь Годович, 1961 г.р., род. в Дербенте; зап. С. Н. Амо-

сова, Г. Д. Стукалин в Дербенте, 2018 г.; С. Н. Амосова в Москве, 2020 г.

ЯВГ — Ягудаев Вячеслав Григорьевич, 1953 г.р., род. в Махачкале; зап. А. Г. Агабабян, С. Н. Амосова, В. А. Дымшиц в Пятигорске, 2022 г.

ЯХ — Ягудаева (Абрамова) Хая, 1958 г.р., род. в Махачкале; зап. А. Г. Агабабян, С. Н. Амосова, В. А. Дымшиц в Пятигорске, 2022 г.

Статья поступила в редакцию 13 февраля 2023 г.

Мария Васильевна Вятчина,
приглашенный исследователь, Университет Тарту (Эстония)

ТРАХОМА КАК «БОЛЕЗНЬ ИНОРОДЦЕВ» И «ЕВРЕЙСКАЯ БОЛЕЗНЬ» В ИСТОЧНИКАХ ПО МЕДИЦИНСКОЙ СТАТИСТИКЕ 1880–1910-х гг.

Аннотация. Медицинские освидетельствования призывников, которые стали проводиться с началом всеобщей воинской повинности, долгое время использовались как способы обобщения данных о здоровье разных территориальных, этнических, конфессиональных групп Российской империи. Статья основана на анализе медицинской статистики по конкретному диагнозу — трахоме, распространенному в тот период инфекционному заболеванию, которое могло быть основанием отправить рекрута обратно домой. Публикация нацелена на то, чтобы показать стереотипизированные способы обсуждения медицинскими специалистами Российской империи трахомы и других нарушений зрения среди еврейского населения в целом и среди еврейских призывников в частности. Для этого представлены подходы к конструированию трахомы как «еврейской болезни».

Ключевые слова: трахома, история науки, стереотипы, медицинская статистика, медицинская антропология, Российская империя

В представлениях о евреях среди их этнических соседей нередко встречаются стереотипы, связанные с якобы присущими им особенностями телесности и здоровья. Например, эпидемия сыпного тифа во время Первой мировой войны в просторечье получила название «еврейской лихорадки» [12]. Идеи о присущих евреям особенностях зрения и слепоте обсуждают в рамках фольклористики и устной истории [1. С. 131; 2. С. 54–55]. Кроме определенного способа воображения и обсуждения межкультурного соседства, закрепившегося в исторической памяти, у этих сюжетов можно обнаружить параллели в том, как в конце XIX — начале XX в. чиновники, офицеры и врачи, т.е. представители имперской администрации, придерживались аналогичных стереотипов в своей работе. Можно привести пример с убеждением об особой распространенности среди еврейского населения трахомы — инфекционного заболевания, которое на поздних стадиях могло приводить к нарушениям зрения и слепоте. Данная публикация нацелена на то, чтобы показать стереотипизированные способы обсуждения медицинскими специалистами Российской империи трахомы и других нарушений зрения среди еврейского населения в целом и среди еврейских призывников в частности. Для этого будут представлены

подходы к конструированию трахомы как «еврейской болезни».

Статья базируется на анализе публикаций по вопросам выявления, регистрации и лечения трахомы, написанных специалистами по военной антропологии в 1880–1910-е гг. Появление этого круга источников связано с несколькими факторами. Во-первых, развитие статистики, демографии и этнографии с середины XIX в. сделало возможным появление документов, которые рассматриваются в этой статье. Цель этих источников состояла, в частности, в том, чтобы наметить пути управления колонизированными территориями и обеспечить «информационную поддержку» специалистам, проводившим кампанию по исполнению воинской повинности, ставшей всеобщей с 1874 г. [7]. Во-вторых, данные, которые медицинские специалисты собирали при освидетельствовании призывников и солдат, стали активно использоваться для написания диссертаций и других научных публикаций. Привлекательность этих данных состояла в том, что они рассматривались как материалы выборочных обследований. Тем самым, не обязательно проводя исследования в разных регионах Российской империи, специалисты могли позиционировать свои наработки как образцы изучения «инородческих групп», которых репрезентировали призванные на военную службу мужчины.

Разнообразие населения империи в указанный период концептуализировалось в терминах расы. Как пишет историк Марина Могильнер, «категория расы стала широко появляться в российских словарях начиная с 1860-х годов, выступая как синоним широко употреблявшегося понятия “племя”, описываемого через внешние биологические показатели — цвет кожи, волос и глаз, форму носа и рост» [7. С. 17]. Военным врачам использование терминов *раса*, а также *племя* и *народность* позволяло говорить, что представители разных территориальных/расовых/этнических групп среди солдат обладают принципиальными отличиями физиологического и психологического рода. В результате формировались суждения подобных тем, о которых пишет историк Питер Холквист: «...русские в военно-статистических учебниках и исследованиях того времени воплощали патриотизм и лояльность, евреи — эгоизм и аморальность, поляки и мусульмане рисовались как ненадежные чужаки» [11. С. 115]. Кроме моральных характеристик, возникали убеждения о распространенности конкретных болезней и так называемых расовых патологиях [9. С. 17]. Например, военный врач Д. Сакович привел мнение коллеги из Петербургского военно-санитарного общества, что нельзя приостановить набор в войска больных трахомой, поскольку тогда «поляки, евреи и восточные инородцы не будут попадать в строй, как страдающие поголовно трахомой, и, таким образом, тяжесть отбывания воинской повинности всецело ляжет на коренное русское население» [10. С. 116]. Йоханан Петровский-Штерн, детально изучавший службу еврейских солдат в имперской армии, обращает внимание на то, что «по утверждению членов воинских присутствий, трахома и грыжа составляли две наиболее характерные (“типичные”) болезни призывников вообще и еврейских призывников в частности» [8. С. 206].

Как именно складывались утверждения представителей имперской администрации о трахоме как наиболее «типичной» еврейской болезни? Начнем с того, что пристальное внимание к трахоме можно объяснить тем, что из разработанных инструкций военным чиновникам было известно об инфекционных свойствах трахомы и возможности заражения окружающих. Как писал в 1912 г. один из исследователей, «...ни одной болезни в нашей армии не уделяется столько